Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Вадим Репин: "Профессия – прежде всего"

10.02.2026.

Вадим Репин во время концерта на фестивале "Музыкальные вершины" 1 февраля 2026 г. Photo © Raphaël Faux

Представляя вам программу завершившегося в прошлые выходные в Гштаде фестиваля «Музыкальные вершины», я упомянула, что не все были рады участию в нем российского скрипача Вадима Репина. В адрес устроителей фестиваля поступили письма с требованиями объяснений и даже отмены его выступления, однако позиция художественного руководителя, французского скрипача Рено Капюсона не изменилась. Некоторые традиционно приезжающие на фестиваль журналисты на этот раз его проигнорировали, но больше ничего особенного не произошло. Вадим Репин общался с коллегами и публикой, репетировал сам и исправно занимался с молодыми скрипачами, а во время их дневных концертов в часовне Гштаада усаживался подальше и внимательно слушал, чтобы потом обменяться впечатлениями.

В день концерта Вадима Репина в церкви Ружмона шли разговоры о необходимости привлечения полиции, но, к счастью, не понадобилось – протестных акций не было. А сам концерт был замечательный, публика – в восторге, включая работающую в Женеве украинскую журналистку, аплодировавшую вместе со всеми.

Конечно, главным в том концерте была родная для меня музыка Шостаковича и Чайковского и ее прекрасное исполнение прямо в Гштааде сложившимся трио в составе Вадима Репина, Мартины Фильяк (фортепиано, Хорватия) и Джулии Хэйген (виолончель, Австрия). Но я обратила внимание еще на одну деталь. До сих пор – а я приезжаю на этот фестиваль уже много лет подряд – мне не доводилось видеть здесь музыканта, который вышел бы на скромную эстраду в церкви, построенной еще около 1080 года монахами ордена Клюни, в столь же безупречно элегантном концертном костюме, включая лаковые туфли и бордовый камербанд, как Вадим Репин. На мой взгляд, дело тут было не просто в привычке, а в желании подчеркнуть уважение к организаторам фестиваля и к очень тепло встретившим его слушателям.

Церковь Ружмона перед вечерним концертом © N. Sikorsky

Так же уважительно отнесся он и ко мне, придя на интервью точно в назначенное время, минута в минуту. (Редкий музыкант вообще согласился бы давать интервью в день концерта!) Признаюсь, я сомневалась, браться ли за это интервью, ведь я уже четыре с половиной года не видела живущих в Москве родителей и не знаю, когда увижу. А он – оттуда. С другой стороны, если от мастер-класса с ним не отказались юные музыкантши-беженки с Украины, хоть и предпочли общаться по-английски, то… В итоге я решила подойти к делу исключительно профессионально, без эмоций: задать интересующие меня вопросы и не дать разговору скатиться к готовым формулировкам. По-моему, наш разговор получился. Делюсь.

Вадим, впервые Вы дали мне интервью на фестивале в Вербье в 2009 году и рассказывали тогда, как Вам нравилось жить в Женеве. А где Вы живете сейчас?

Сейчас я живу в Москве и в Вене, уже последние 15 лет. Если есть какие-то маленькие окна между поездками, то, конечно, в Вене очень удобно. Если же окно пошире, то я лечу первый рейсом в Москву. Там моя семья, там моя мама, прежде всего.

Как давно Вы не выступали в Швейцарии?

Наверно, уже лет семь-восемь. Сначала была пандемия, потом последние четыре года.

Мы с Вами уехали из СССР в один и тот же год, 1989-й, год падения Берлинской стены. Я немного старше вас, так что уезжала в Париж самостоятельно, а Вас, Максима Венгерова, Наталью Прищепенко и Николая Мадоева вывез в Германию ваш педагог Захар Брон. Вы этому тогда радовались?

Ну конечно, ведь все это было настолько ново! Тогда прошел уже тот конкурс имени Королевы Елизаветы, на котором я победил. Но первоочередным было, конечно, желание остаться со своим профессором, который получил приглашение

преподавать в Любеке. Он приложил огромные усилия, чтобы создать для нас наилучшие условия. Мы с Максимом тогда уже сами себя окупали, а у остальных на тот момент еще не было такого карьерного прыжка. Поэтому мы вместе давали концерты, занимались фандрейзингом для других учеников. Конечно, это было замечательно, ведь что для музыканта главное? Сцена, публика и открытость миру.

Сегодня в России принято Михаила Сергеевича Горбачева ругать. А я ему очень благодарна – если бы не он, моя жизнь точно сложилась бы по-другому. А что думаете Вы? Как сложилась бы Ваша жизнь, если бы не перестройка?

Ну, это уже история, которая, как известно, не терпит сослагательного наклонения. Поэтому я не знаю, лучше было бы, хуже было бы, легче, проще или, наоборот, сложнее. Я и сегодня вне геополитики, а уж в те годы, когда мне было 15–16 лет, и подавно. Сложилось так, как сложилось. Жизнь состоит из постоянного принятия то мелких, то крупных решений и постепенно превращается в судьбу. Конечно, нам все это было очень интересно, ведь на основе привитой Броном русской традиции мы все верили, что рождены быть солистами. Только солистами, и по-другому не может быть. И как раз в те годы, в 90-е, для меня по большому счету стало открытием камерное музицирование, которым я очень много занимался. В Европе тогда был его расцвет, существовало огромное количество ансамблей. Сейчас это куда-то ушло, скорее всего, из-за финансовой составляющей – число камерных концертов, по моим наблюдениям, сократилось больше, чем вполовину, по крайней мере, в больших залах. Рухнуло дело жизни многих людей, которые создавали сообщества, искали спонсоров именно для того, чтобы услышать лучшие камерные ансамбли на планете. Этим опытом я очень дорожу и стараюсь использовать его, делая особый акцент на камерной музыке в программах нашего фестиваля в Новосибирске.

Финал концерта © N. Sikorsky

Не секрет, что Захара Брона притесняли в СССР из-за того, что он еврей, не давали хода его ученикам, особенно в Москве и в Ленинграде. Но всегда находился кто-то, кто открывал двери. Сейчас, когда прошло уже столько лет, думаете ли Вы, что Захар Нухимович воспользовался эзоповым языком в музыке и не просто так, а с дальним прицелом дал вам разучивать, после Вашей победы на конкурсе имени Венявского в Люблине, Концерт № 1 Тихона Хренникова, занимавшего на тот момент - и с 1948 года! - пост первого секретаря Союза композиторов СССР?

Может быть. А с Тихоном Николаевичем я познакомился в 1983 году с легкой руки Игоря Ойстраха, педагога самого Брона, и он действительно стал нашим крестным отцом. Брону, правда, было нелегко, но Хренников искренне восхищался не только мной, но и другими его учениками и невероятно его поддерживал. Он чувствовал его талант, чувствовал его величие в этой профессии. Тихон Николаевич был доступен для советов по самым разным вопросам, от проблемы с выездной визой до получения инструментов для каждого из нас. И Максим, и я играли на лучших инструментах госколлекции, на скрипках Страдивари, исключительно по личной просьбе и по личной инициативе Хренникова. Я до сих пор помню и дорожу той теплотой, которой он нас окружил.

Вы всегда с большим уважением и благодарностью говорите о Захаре Броне,

и это делает вам честь. Поддерживаете ли Вы отношения с ним сегодня?

Да, конечно, совсем недавно у него был день рождения. Мне кажется, он в хорошей форме, был в бодром настроении, голос звонкий. Он до сих пор в профессии, и остановить этот тайфун невозможно. Где только берется вся эта ежедневная энергия на протяжении уже больше пятидесяти лет?! Я считаю, что в созвездии счастливых звезд, которое сложилось в моей жизни, он – одна из главных. Ну представьте: я родился в Новосибирске, и вдруг он в том же году переезжает туда, подождал пять лет, пока я взял в руки скрипку, и подарил мне профессию.

На фестивале «Музыкальные вершины» в Гштааде Вы, помимо собственного выступления в концерте, выступаете и в роли ментора молодых скрипачей. Какие ощущения? Получили ли Вы какую-то информацию о ребятах заранее? Может быть, их записи? Или прямо с места в карьер?

Нет, заранее я ничего не получал, полностью доверился Рено Капюсону. Я нигде не преподаю на постоянной основе, однако мастер-классы для меня явление привычное, потому что куда бы я ни прилетел, особенно в большие города, где есть академия или консерватория, часто меня встречает письмо с просьбой прийти пообщаться и дать мастер-класс. Если есть время, я всегда с удовольствием это делаю. И на нашем фестивале в Новосибирске с самого первого выпуска мы поставили для себя задачу обязательно стараться передать следующему поколению не только свои знания, но и знания наших звездных гостей.

Вадим Репин © N. Sikorsky

А в Гштааде я, действительно, доверился Рено, который лично отбирал всех кандидатов, ведь это своеобразный конкурс, а не просто открытая для всех возможность. Каждый день я знакомился с новыми молодыми музыкантами, общался с ними, пытался подсказать что-то полезное. В целом мое впечатление от них самое позитивное. Некоторые из них уже законченные артисты, кому-то еще надо развиваться и набираться жизненного опыта, но уровень высочайший. Настолько, что многие международные конкурсы могли бы гордиться таким составом финалистов.

По традиции фестиваля «Музыкальные вершины» все участники мастер-классов должны были выучить произведение современного композитора, специально для этого написанное. Как Вам «Голубое на голубом» («Bleu sur Bleu») французского композитора Ива Шариуса?

Я впервые услышал его в первый день фестиваля. Это – модерн, в чем-то – минимализм. Когда слушаешь это произведение, разные мысли приходят на ум, но его главная ценность, на мой взгляд, в том, что от исполнителя зависит всё. Исполнитель может как вывести его на философский уровень, так и просто привнести какие-то краски, цвета, создавая музыкальное импрессионистское полотно.

В последний раз мы виделись с Вами в декабре 2018 года, на юбилее Юрия Темирканова в Санкт-Петербурге. Что бы Вы назвали важнейшими событиями в Вашей жизни с тех пор?

Юрия Хатуевича не стало, и у меня до сих пор болит сердце, настолько это был

близкий мне человек. Его характер, его манера выстраивать отношения, его талант, его артистическое величие – все это очень к нему привязывало. Та духовная доброта, которая от него исходила, была совершенно уникальна. Мне кажется, что для многих поколений артистов это очень большая потеря.

А что касается важнейших событий в моей жизни, то вскоре после этого началась пандемия, был объявлен локдаун, и я пережил, наверное, самое счастливое время за многие годы: обычно гастроли оставляли мне считаные дни для общения с родными и близкими, а тут мы долгие месяцы провели вместе, не расставаясь. В тот период произошла такая замечательная вещь: моя жена и дочь продолжали работать, чтобы не выйти из формы, а я использовал время для наращивания своего репертуара. Это было очень важно, поскольку за годы существования фестиваля в Новосибирске мне пришлось переиграть огромное количество произведений, и становилось уже сложно составлять новые программы, способные удивить нашу публику. В итоге мой репертуар пополнился множеством великих произведений, которые до сих пор радуют меня своими дивидендами.

А как в последние годы изменилась музыкальная жизнь в России?

За последние несколько лет появилась целая плеяда совершенно замечательных, на мой взгляд, дирижеров. Были и раньше единичные случаи, которым мы, возможно, не уделяли достаточного внимания. А тут даже пальцев не хватит, чтобы всех перечесть, причем каждый обладает чем-то своим, неповторимым. Работать с ними одно удовольствие.

Возможно, частично это можно объяснить тем, что многие дирижеры уехали или перестали выступать в России?

Да, отчасти. Освободилось место и пространство, где новые таланты разгорелись в полную силу.

В этой часовне Гштаада проходят дневные концерты молодых исполнителей © N. Sikorsky

Дата 24 февраля 2022 года расколола не только политический мир, но и культурный. Многие Ваши коллеги приняли решение либо уехать из России, либо не выступать там. А Вы в апреле 2022 года получили звание Народного артиста России. Это звание вошло в обиход в СССР в начале 1930-х годов и использовалось в качестве «пряника» – для поощрения лояльных власти артистов. Пришелся ли вам по вкусу этот «пряник»?

Я не помню, как это было почти сто лет назад, но звание «народный артист» – это прежде всего артистическое звание, и я им горжусь. Знаете, для русского артиста, который, как я, вырос еще в Советском Союзе, где был сформировал характер и заложена вся база профессиональной жизни, народный артист – это не просто звание. Это, скорее, признание большой проделанной работы, многочисленных выступлений в сотнях городов России, созданного фестиваля и просто популярности у публики, если хотите, на которую официальное звание и придаваемый им статус не влияют.

Я приведу вам один пример из многих, особенно мне запомнившийся. Во время пандемии коронавируса, когда был введен локдаун, в Большом театре прошел гала-

концерт в благодарность врачам, которые в тот период рискуя своей жизнью спасали людей. Этот концерт проходил при пустом зале, с участием многих великих артистов. Очень красивая акция, которая транслировалась по телевидению и так далее. И вот там меня уже объявили народным артистом, как нечто само собой разумеющееся, хотя формально звания этого у меня тогда еще не было.

То есть тайминг присвоения этого официального звания Вас никак не смутил?

Тайминг – это было совпадение, ведь присвоение звания народного артиста – длинная процедура, в рамках которой решения принимает совет при президенте.

Какой была Ваша реакция, когда в растущий список иноагентов в России стали вносить имена Ваших коллег, друзей?

Каждый принимает свое решение. Я в ту февральскую неделю принял решение, что моя семья – это самое дорогое, что у меня есть. А она – в России. Как и мой фестиваль в Новосибирске, в который вложено столько душевных сил и нервов. Мне было крайне важно попробовать отблагодарить через этот фестиваль мой родной город, который так мощно поддержал меня в период моего становления: и школа, и консерватория, и симфонический оркестр, и маэстро Арнольд Кац, и множество педагогов по разным предметам, сделавших из меня музыканта. Поэтому сомнений в том, что мое место – там, в России, у меня не было.

Нельзя не поговорить о неприятным. Совсем недавно были отменены Ваши концерты в Италии, потом в Германии. Выступление в Гштааде тоже вызвало разногласия. Как вообще Вы относитесь к нежеланию видеть Вас на многих европейских площадках? Считаете ли Вы это несправедливостью или понимаете причины?

Это скорее вопрос к организаторам. А что касается моей реакции, как артиста, то, конечно, это неприятно. Артисты – легкая добыча. Задача искусства в целом и нас самих – наведение мостов, и культурные мосты – самые крепкие. Недаром мой фестиваль называется «Транссибирский», как ось между востоком и западом. Артисты во всех времена искали примирения, пытались своим творчеством предложить людям отдушину, не дать оборвать последние связывающие нас ниточки. Свои чувства я выражаю музыкой, поэтому понять их лучше всего можно на моих концертах. В программе концерта в Гштааде прозвучали два произведения. Одно, Трио Шостаковича, – результат первой любви, счастливой она была или нет, не суть важно. А второе, Трио Чайковского, – реквием по великому артисту.

Вы произнесли важное слово – «примирение». Вы лично, артист Вадим Репин, ищите примирения?

Нет, я ищу глубинный смысл той музыки, которую мне предстоит исполнять, ведь я, как и любой классический артист, – интерпретатор. Моя роль – брать публику за душу и вести ее сквозь музыку в путешествие, придуманное и подаренное нам великими композиторами. Для одной части публики это просто развлечение, а другая часть соучаствует в этом путешествии, сопереживает исполнителю. И вот я, артист, выходя на сцену, должен, каковы бы не были мои личные переживания, изобразить сначала самую чистую любовь, а через десять минут – самый глубокий траур и сочувствие.

Вы столько лет не выступали в Швейцарии, что Ваши поклонники ждали, наверное, сольного концерта, а не камерного ансамбля. Это был Ваш выбор?

Нет, это был наш общий выбор с Рено Капюсоном, который очень хотел, чтобы в программе было Трио Чайковского. Для меня это произведение – одна из жемчужин мировой музыки, так что его предложению я обрадовался. Вообще, прекрасно, что на этом фестивале представлены разные жанры, а для меня большая радость впервые сыграть с новыми для меня коллегами.

Гштаад фестивальный © N. Sikorsky

Мы, журналисты, любим во всем искать тайный смысл, даже в выборе музыкальных произведений. Вот и тут начинаешь думать, что Шостакович ни у кого вопросов не вызывал, его играли даже в 2022 году, а Чайковский – вызывал и вызывает, а потому их объединение в одной программе можно интерпретировать по-разному. Есть ли под таким ходом мыслей какие-то основания?

Как я уже сказал, выбор был сделан Рено и мною, никаких тайных мыслей он не содержал, а был основан исключительно на художественных достоинствах этих произведений. В такие времена, как нынешние, реакция публики непредсказуема, каждый по-своему воспринимает любую музыку. Спросите трех человек и получите три разных впечатления. Сила искусства в том, что оно передает эмоции напрямую, без контекста, без фильтра, а потому одни находят отдушину в Шостаковиче, другие – в Чайковском, а третьи – в них обоих.

Свое Трио Чайковский посвятил Николаю Рубинштейну, основателю Московской консерватории, однако прямо этого не сказал, назвав сочинение «Памяти великого художника». Многие музыковеды усмотрели в этом его стремление создать обобщенный, универсальный образ Артиста. Думаете ли Вы, что артисты действительно могут позволить себе быть вне реалий жизни?

Для нас профессия – прежде всего. И неважно, какой репертуар, неважно, как ты себя чувствуешь, неважно, что у тебя на душе, неважно, сколько времени ты проводишь в самолетах. Ты должен быть на все 100% честен со своей публикой. И это занимает львиную долю всей нашей жизни. Потому что нельзя выходить на сцену неподготовленным, не в своей лучшей форме. Наша работа постоянна, порой ночью не можешь заснуть, когда выучиваешь новое сочинение – не выходит оно из головы. Я мечтал об этой профессии с раннего детства, мечтал о волшебном слове «гастроли», когда ты не знаешь, куда летишь, что тебя ожидает, но знаешь, что ты должен делать. И это такая вещь, которая как… наркотик – нехорошее слово… как венец, которому ты посвящаешь и свое детство, и юность, и всю жизнь. А когда переходишь какой-то возрастной рубеж, то легче, к сожалению, не становится, становится только сложнее и времени занимает еще больше. У нас, музыкантов, есть такая поговорка: «Ты хорошо настолько, насколько хорош твой последний концерт».

Где и каким Вы видите себя через пять лет?

Ох, моему фестивалю будет уже восемнадцать. Мой сын будем совсем взрослым, да и дочка войдет уже в совсем другой возраст – о боже, что меня ждет?! Кстати, не могу не похвастаться, что на днях в Италии, на международных соревнованиях по

художественной гимнастике она забрала все золотые медали и еще общую золотую медаль в турнире. Поэтому я на небесах от счастья, от гордости.

Хотели бы Вы сказать что-то в заключение?

Я хочу просто поблагодарить Рено Капюсона, который наверняка выдержал очень серьезное давление со всех сторон. Мы дружим уже много лет, я восхищаюсь его творчеством, и мы встречаемся – сейчас реже, конечно. Но дружба остается.

музыкальные фестивали швейцарии
русские музыканты в Швейцарии
фестиваль "Музыкальные вершины"
русская музыка в Швейцарии

Source URL: *http://www.rusaccent.ch/blogpost/vadim-repin-professiya-prezhde-vsego*